

РОЗЕЛЛА ПОСТОРИНО

ДЕГУСТАТОРШЦ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
П 63

Rosella Postorino
LE ASSAGGIATRICI
Copyright © 2018 Rosella Postorino
All rights reserved

Перевод с итальянского Андрея Манухина
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Егора Саламашенко

© А. С. Манухин, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
ISBN 978-5-389-34051-0 Издательство Азбука®

Настоящая фреска, нежная и берущая за душу... Эту историю следовало рассказать.

La Stampa

Темпераментный, увлекательный и эпический роман.

Il Mattino

Необычная и захватывающая история любви и дружбы.

QN

Узница поневоле и ее тяга к свободе — этот конфликт затягивает читателя с первой же страницы.

Il Piccolo di Trieste

За каждой строчкой книги видна жажда жизни, человечности...

Il Gazzettino

Не оторваться!

Leggendaria

В романе Розеллы Посторино сама История пускает под откос жизнь людей, ее делающих. «Дегустаторши» останутся с читателем надолго.

La Repubblica

Эта книга о любви, голоде, выживании и муках совести надолго остается в сердце.

Marie Claire

Неотразимо и по-настоящему хорошо написано.

huffingtonpost.it

Сюжет, вне всякого сомнения убедительный и оригинальный, заставляет сопереживать героине, особенно в финале, обладающем огромной эмоциональной силой.

Ciaciaria Editoriale Oggi

Невозможно рассказать о войне, не упомянув о голоде. Но есть нечто и похуже: знать, что каждая ложка еды, попавшей (по счастливой случайности) к тебе в тарелку, может стать для тебя последней.

La Gazzetta di Parma

Розелла Посторино рассказывает о жизни дегустаторш, балансируя на тонкой грани между исторической реконструкцией и литературной фантазией.

Gente

Каково это — «одолжить» фюреру свой пищеварительный тракт? Каково быть подопытным кроликом, поедающим пищу, дабы предотвратить отравление главного чудовища в мировой истории? Каково утолять голод приготовленными для него деликатесами и думать, что, возможно, этот нежный вкус может стоить тебе собственной шкуры? Весьма необычный, но совершенно неотразимый роман.

Il Tempo

Ясным и точным языком, буквально несколькими штрихами, Посторино мастерски обрисовывает портрет героини, которая надолго остается в памяти читателей.

Blowup

Посторино исследует самую глубину человеческой души, не ограничиваясь привычной борьбой добра со злом.

Il Giornale di Vicenza

Очень нужная и очень сильная книга, сравнимая с творчеством Примо Леви и другими лучшими образцами итальянской прозы.

La Riviera

Главная заслуга романа в том, что он представляет эпоху нацизма совершеннейшей антиутопией (налицо даже кое-какие отсылки к «Рассказу служанки» Маргарет Этвуд), которая в то же время непосредственно соприкасается с нашей сегодняшней реальностью.

Il Manifesto / Alias

Лучший итальянский роман 2018 года.

fanpage.it

Роман, захватывающий, как чудесный фильм.

Vanity Fair

Как и все лучшие авторы, Посторино ничего не разжевывает. Но читайте между строк, умные и чуткие...

Di Repubblica

Метафора пиццы как спасения и в то же время ловушки, изоляция физическая и экзистенциальная, страсть как бегство от реальности и как проклятие — и на этом фоне рассказывается о жизни нескольких девушек, чьи мечты и надежды попали в безжалостные жернова Истории.

Il Piccolo di Trieste

Роман, исследующий человеческую душу до самых ее глубин.

illibraio.it

Посторино восстанавливает повседневную деревенскую жизнь с ее непривычными, но в целом приемлемыми правилами. Здесь есть «бесноватые», готовые отдать за Гитлера жизнь, есть наивная Лени, жертва скорее люб-

ви, чем нацизма, есть загадочная Эльфрида, есть Беата, гадающая на картах Таро, и матери, которым нечем кормить детей...

Il Corriere della Sera

Вдохновленная реальной историей Марго Вёльк, Розелла Посторино демонстрирует нам женщину, попавшую в ловушку. Дегустаторша слишком слаба, чтобы противостоять Истории, но достаточно сильна, чтобы не сдерживать порывов юности.

Tutto Libri

Шедевр... Уникальная история, в которой каждый читатель увидит свое отражение.

L'Unione Sarda

Едва погружаешься в этот роман, в горле встает ком, и до самой последней, великолепной главы не отпускает чувство внутреннего узнавания.

Io Donna

Захватывающий роман. Розелла Посторино умеет минимумом средств передать стыд и чувство вины, любовь и раскаяние... Мы явно еще не раз услышим ее голос.

The New York Times

Яркая, напряженная историческая проза... этот роман на глазах становится всемирным бестселлером.

Spectrum

Совершенно потрясающая книга.

France 2TV

Розелла Посторино написала роман невероятной эмоциональной силы, нечто среднее между «Большой жратвой» и «Ночным портье».

Le Figaro

Превосходный стиль, особенно хорошо передана атмосфера. Живот сводит от ужаса при мысли о том, что каждый съеденный Розой кусочек может стать последним. Несмотря на напряженный сюжет, Посторино сумела наполнить книгу нежностью, в то же время избегая морализаторства. Этот роман, основанный на реальной судьбе, читается запоем.

Le Parisien

К чему ты готов приспособиться, чтобы выжить? На что способен закрыть глаза, какие ужасы в силах вытерпеть? С невероятным изяществом и сарказмом, глубиной и чувственностью Розелла Посторино показывает, насколько размыты границы между нежностью и насилием, любовью и ненавистью. Между той рукой, что ласкает, и той, что убивает.

L'Or des Livres

«Дегустаторши» мастерски демонстрируют читателю, как работает инстинкт самосохранения, овладевающий каждым человеком на краю пропасти, в какие запутанные лабиринты страстей увлекает.

La Presse

Нас впускали по одной. После нескольких часов ожидания, проведенных на ногах в коридоре, хотелось уже только сесть. Обеденный зал оказался огромным, с белыми стенами. Посередине располагался длинный деревянный стол, накрытый специально для нас. Каждую подвели к отведенному ей месту.

Усевшись, я скрестила руки на животе и больше не двигалась. Белая фарфоровая тарелка стояла прямо передо мной. Я была голодна.

Остальные молча рассаживались по своим стульям. Нас было десять. Более уверенные в себе — суровый взгляд, волосы собраны в тугий пучок — смотрели прямо перед собой, другие нервно озирались. Девушка напротив меня прикусила губу, оторвала кусочек кожи и быстро перетерла его резцами. Ее пухлые щеки горели румянцем. Она тоже была голодна.

К одиннадцати утра есть хотели уже все. И дело вовсе не в чистом деревенском воздухе и не в долгой поездке на автобусе: бездонную дыру в желудках проделал страх. Страх и голод, нами уже несколько лет двигали только страх и голод. Стоило почуять запах еды, как кровь прилила к вискам,

а рот непроизвольно наполнился слюной. Я снова взглянула на девушку с румянцем во всю щеку: она горела тем же желанием, что и я.

Стручковая фасоль тонула в топленном масле — я не пробовала его со дня свадьбы, — ноздри щипал терпкий аромат поджаренных перцев. Моя тарелка наполнялась, а я лишь глядела на нее, боясь пошевелиться. Девушке напротив меня достался рис с горошком.

«Ешьте», — донеслось из угла комнаты: скорее приглашение, чем приказ. Конечно, наши горящие глаза, приоткрытые рты и учащенное дыхание было трудно не заметить. И все же мы колебались: приступать или дожидаться пожеланий приятного аппетита? И потом, вдруг еще есть возможность подняться и заявить: «Нет, спасибо, куры нынче щедро несутся, мне и яичка хватит».

Я снова пересчитала сидящих за столом: десять. Ну, хотя бы не тайная вечеря.

«Ешьте!» — повторили из угла, но я уже втянула стручок в рот и почувствовала, как по всему телу, до самых корней волос, до пальцев ног, растекается теплая волна, как постепенно замедляется сердцебиение... Ты приготовил предо мною трапезу¹ (о, до чего хороши эти перцы!), трапезу именно для меня, прямо на деревянном столе, даже без скатерти: только безупречно белый фарфор и десять женщин. Еще бы платки на головы — и ни дать ни взять сестры-молчальницы в рефектории.

¹ «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих...» (Пс. 22). — *Здесь и далее примеч. перев.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сначала мы берем по кусочку, словно не обязаны доедать все до последней крошки, словно можем отказаться, словно этот роскошный обед предназначен вовсе не для нас: мы случайно проходили мимо и так же случайно удостоились чести присутствовать за столом. Но потом еда проскальзывает через пищевод, падает сквозь дыру в желудок, чем дальше, тем дыра шире — и тем быстрее мелькают вилки. Яблочный штрудель так хорош, что у меня выступают слезы. Он вкусный, безумно вкусный, и я, давясь, запихиваю в рот все более широкие ломти, один за другим, едва успевая поднять голову от тарелки и перевести дыхание. А враги смотрят.

Мама говорила, что есть — значит бороться со смертью. Причем говорила это задолго до Гитлера, еще когда я ходила в начальную школу на берлинской Браунштайнгассе, 10, а никакого Гитлера и в помине не было. Поправляла мне бант на фартуке, вручала портфель и напоминала за обедом: надо следить за собой и стараться не подавиться. Дома я обычно говорила с набитым ртом. «Слишком много болтаешь», — напоминала она, и я, конечно, тут же давилась, но только от смеха, не в силах выносить этот трагический тон, да и весь ее педагогический метод, основанный на угрозе безвременной гибели. Послушать ее, так любое движение подвергает нас смертельной опасности. Жизнь — это риск: ловушки подстерегают на каждом шагу.

Когда мы покончили с едой, к столу приблизились двое в форме СС. Женщина слева от меня поднялась.

— Сидеть! Всем оставаться на местах!

Женщина как подкошенная рухнула обратно на стул, хотя никто ее даже пальцем не тронул. Одна из закрученных улиткой кос выбилась из-под шпильки и закачалась, как маятник.

— Вставать запрещено. Вы останетесь за столом до дальнейших распоряжений. И чтобы тихо! Если еда отравлена, яд распространится быстро. — Эсэсовцы обвели нас взглядом, чтобы проверить реакцию, но никто не издал ни звука. Потом говоривший снова повернулся к женщине, которая осмелилась подняться, — возможно, в знак уважения к ее дирндлю¹. — Спокойно, это всего час, — сказал он. — Через час все будут свободны.

— Или мертвы, — добавил его напарник.

Я почувствовала, что сердце сжалось в груди. Румяная девушка закрыла лицо ладонями, пытается подавить рыдания. «Прекрати сейчас же», — прошипела ее соседка-брюнетка. Тут и остальные пустили слезу, будто наевшиеся крокодилы: может, так подействовал пищеварительный процесс?

Я прошептала: «Можно узнать, как тебя зовут?» — но румяная, похоже, не понимала, о чем я спрашиваю. Тогда я протянула руку и коснулась ее запястья. Вздвогнув, она бессмысленно глянула на меня красными от полопавшихся сосудов глазами.

— Как тебя зовут? — повторила я.

Девушка взглянула в тот страшный угол, не понимая, можно ли говорить, но охранники как раз отвернулись: было около полудня, и у них,

¹ Традиционный женский наряд альпийских регионов Германии, Австрии и Швейцарии.

должно быть, тоже посасывало под ложечкой. А может, им просто не было до нее дела. Поняв это, она осмелилась вопросительно пробормотать:

— Лени, Лени Винтер, — словно не была уверена, что это ее имя.

— Прекрасно, Лени, а я — Роза, — сказала я. — Вот увидишь, скоро мы вернемся домой.

Лени, на вид совсем девчонка, судорожно сжимала пухлые кулачки. Судя по лицу, ее ни разу не лапали в сарае, даже под конец сбора урожая, когда парням совсем нечем заняться.

В 1938 году, после отъезда моего брата Франца, Грегор привез меня сюда, в Гросс-Парч, чтобы познакомить с родителями. «Они тебя непременно полюбят», — заявлял он, гордясь победой над своей молоденькой секретаршей родом аж из Берлина. Мы были помолвлены — совсем как в кино.

До чего же приятно было ехать на восток в коляске мотоцикла! «Скачут кони на восток» — так ведь пелось в той песне? Самые отъявленные горлопаны орали ее не только двадцатого апреля: для них каждый день был днем рождения Гитлера.

Я впервые плыла на пароме и впервые уезжала из дома с мужчиной. Герта поселила меня в комнате сына, а его самого отправила спать на чердак. Когда родители ушли спать, Грегор тихонько открыл дверь и забрался ко мне под одеяло. «Нет, — прошептала я, — не здесь». — «Тогда пошли в сарай». У меня даже в глазах помутилось. «Что ты, не могу! А если твоя мать заметит?»

Мы еще ни разу не занимались любовью. Я еще ни разу не делала этого ни с кем.

Грегор мягко провел рукой по моим губам, обведя их по краю, потом стал давить, все сильнее и сильнее, пока я не приоткрыла рот и не разжала челюсти, впустив два его пальца. Чувствуя, как они трутся об мой язык, я поняла, что могу сомкнуть зубы и укусить его. А вот Грегор об этом даже не подумал: он всегда мне доверял.

Ночью, не в силах больше сопротивляться желанию, я поднялась на чердак и открыла дверь. Грегор спал. Я прижалась к нему губами, чтобы наше дыхание смешалось, и он проснулся. «Хотела узнать, чем я пахну, когда сплю?» — улыбнулся он. Я сунула ему в рот палец, потом два, три, почувствовав, как расходятся челюсти, как смачивает подушечки слюна. Символ настоящей любви: рот, который не кусает. А если укусит, то лишь предательски, как собака, бросающаяся на хозяина.

Когда на обратном пути он обнимал меня за шею, на мне были алые коралловые бусы. И случилось все не на сеновале его родителей, а в каюте без иллюминатора.

— Мне нужно выйти, — пробормотала Лени; но расслышала ее только я.

Соседка-брюнетка с торчащими скулами и прилизанными волосами бросила на девушку суровый взгляд.

— Тсс, — шепнула я, погладив Лени по руке; на этот раз она даже не вздрогнула. — Осталось всего минут двадцать, почти закончили.

— Но мне нужно выйти, — настаивала она.

— Заткнулась бы ты, а? — скосив глаза, огрызнулась брюнетка.

— А ты-то куда лезешь? — почти выкрикнула я.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эсэсовец обернулся:

— Что такое?

За ним обернулись и остальные.

— Пожалуйста... — начала Лени.

Эсэсовец стоял прямо передо мной. Лени подняла руку, как в школе, и принялась что-то шептать ему на ухо — я не слышала, что именно, но лицо охранника скривилось, превратившись в уродливую маску.

— Ей плохо? — спросил второй.

— Яд! — снова встала женщина в дирндле.

Остальные тоже повскакивали с мест. Лени зажала рот рукой, и, едва эсэсовец отошел, ее стошнило прямо на пол.

Охранники выбежали из зала, громко требуя привести и допросить повара: похоже, фюрер оказался прав и англичане действительно хотели его отравить. В зале обнимались, кто-то рыдал, уткнувшись в стену. Брюнетка, уперев руки в бoki, вышагивала взад-вперед и странно хлюпала носом. Подойдя к Лени, я положила руку ей на лоб.

Большинство женщин держались за животы, но вовсе не из-за колик: в кои-то веки они не испытывали голода и это было крайне непривычно.

Нас не выпускали еще добрый час. Пол протерли газетами и мокрой тряпкой, но он все равно вонял чем-то кислым. Лени не умерла, хотя ее долго била крупная дрожь. Потом она заснула, опершись щекой на руку, как школьница, и вложив свою пухлую ладошку в мою. Я чувствовала бурление в желудке, но слишком устала, чтобы поднимать шум.

Грегора призвали в армию. Он не был нацистом — мы вообще старались не иметь дел с на-

ДЕГУСТАТОРШИ

цистами. В юности я даже не захотела вступать в «Союз немецких девушек», уж очень мне не нравились черные галстуки, которые они заправляли под воротники белых блузок. Впрочем, я никогда не была хорошей немкой.

Когда суматоха, всколыхнувшая тусклую муть нашего затянувшегося пищеварения, улеглась, надзирательницы разбудили Лени и выстроили всех вдоль автобуса, который должен был отвезти нас домой. Желудок перестал возмущаться и принялся за работу. Мое тело поглощало пищу фюрера, пища фюрера проникала в мою кровь. Гитлер был спасен. А я снова проголодалась.

В тот день в обеденном зале с белыми стенами я стала дегустаторшей Гитлера.

Это случилось осенью 1943-го. Мне было двадцать шесть, и я пятьдесят часов провела в пути, преодолев за это время семьсот километров: рванула из Берлина в Восточную Пруссию, в то место, где родился Грегор, вот только Грегора там не оказалось. Так, убегая от войны, я и попала в Гросс-Парч, надеясь, что это всего на неделю, не больше.

Днем раньше они без предупреждения приехали в дом моих свекров и объявили, что ищут Розу Зауэр. Я их не заметила: была на заднем дворе. Не слышала даже пыхтения грузовичка, остановившегося у самого дома, увидела только, как гурьбой, расталкивая друг друга, бросились к курятнику несущки.

— Это по твою душу, — сказала Герта.

— Кто?

Она отвернулась, не ответив. Я позвала Мурлыку, но тот не пришел: будучи светским котом, он с утра отправился гулять по деревне. Тогда я пожала плечами и вошла в дом следом за Гертой, размышляя, кто додумался искать меня здесь: никто не знал, что я приехала. Боже, неужели Грегор? «Что, муж вернулся?» — спросила я, но Гер-

та была уже в дверях кухни, перекрыв свет своей широкой спиной. Йозеф, согнувшись, стоял рядом с ней, его вытянутые руки упирались в столешницу.

— Хайль Гитлер! — донеслось из темноты, и две размытые фигуры вскинули в мою сторону правые руки.

Переступив порог, я тоже подняла руку. В кухне ждали двое в серо-зеленой форме, их лица теперь были освещены.

— Роза Зауэр? — спросил один; я кивнула. — Фюрер нуждается в ваших услугах.

Я ведь его, фюрера, в глаза не видела. И вот пожалуйста, он во мне нуждается.

Герта принялась вытирать руки фартуком, а эсэсовец продолжал говорить. Он повернул голову и смотрел теперь только на меня, смотрел оценивающе, пытается понять, здорова ли я, достаточно ли крепка. Разумеется, несколько ослаблена голодом, видны следы бессонницы из-за ночных сирен, глаза чуть ввалились: наверняка потеряла многое и многих. Впрочем, лицо сохранило округлость, волосы густые и светлые: типичная молодая арийка, уже смирившаяся с тяготами войны, проверенная — стопроцентный национальный продукт. В общем, идеальный вариант: так, видимо, решил эсэсовец. Он направился к двери.

— Могу я вам что-нибудь предложить? — вскинулась Герта. Непростительная задержка: сразу видно — деревенщина, не знает, как принимают важных гостей. Йозеф наконец выпрямился.

— Выезжаем завтра в восемь, готовьтесь, — сказал молчавший до сих пор второй эсэсовец и тоже вышел.

Похоже, «шущтаффель» не склонны разводить лишние церемонии. А может, просто не любят желудевый кофе — хотя, возможно, в подвале нашлась бы и бутылочка вина, ждущая возвращения Грегора. Как бы то ни было, факт налицо: приглашения Герты они не приняли, каким бы запоздалым оно ни было. Наверное, это сила воли помогла им бороться с пороками и искушениями, ослабляющими тело: вон как руки вскидывали, когда кричали «Хайль Гитлер» — и ведь указывали при этом на меня!

Когда грузовичок отъехал, я выглянула в окно, и следы колес на гравии показались мне строчками приговора. Я бросилась к другому окну, в другую комнату, заметалась по дому в поисках воздуха, в поисках выхода. Герта с Йозефом следовали за мной. Пожалуйста, дайте мне подумать! Дайте мне хотя бы вздохнуть!

Это староста назвал мое имя, сказали эсэсовцы. Он всех знает, этот деревенский староста, даже новоприбывших.

— Должен же быть какой-то способ, — бормотал Йозеф, дергая себя за бороду и собирая ее в кулак, словно в ней и заключалось решение.

Работать на Гитлера, пожертвовать ради него жизнью — разве не так делали все немцы? Но мне-то предстояло проглотить отравленную пищу и умереть без единого выстрела или взрыва бомбы, Йозеф не мог этого принять. Смерть под сурдинку, за кулисами — это для крыс, не для героев. Впрочем, женщины редко умирают как герои.

— Мне нужно уходить.

Я прижалась лбом к стеклу и попыталась дышать глубоко и размеренно, но вскоре почувство-

Посторино Р.

П 63 Дегустаторши : роман / Розелла Посторино ; пер. с ит. А. Манухина. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 384 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-34051-0

Международный бестселлер итальянской писательницы Розеллы Посторино, завоевавший престижную премию *Campielo* и вошедший в лонг-лист премии *Strega*. Киноэкранизация романа была удостоена национальной кинопремии Италии *David di Donatello* в трех номинациях.

Произведение основывается на реальной истории — на интервью, которое дала в 2012 году 95-летняя Марго Вёльк, единственная пережившая войну дегустаторша Гитлера. В ставке «Вольфшанце» («Волчье логово») группа девушек пробовала еду, предназначенную для фюрера: тот патологически боялся, что его могут отравить. Для уроженки Берлина Розы Зауэр (под таким именем выведена Марго Вёльк в романе), оказавшейся в Восточной Пруссии практически случайно, эта служба давала возможность впервые за годы войны вдоволь поесть, но ценой каждого обеда в любой момент могла стать смерть. Подобно «Чтецу» Бернхарда Шлинка, «Дегустаторши» не столько об ужасах войны, сколько о страхе и выборе. О том, можно ли оставаться над схваткой, служа воплощению мирового зла. На что можно и на что нельзя пойти, чтобы сохранить надежду на будущую жизнь, на возвращение мужа с фронта?..

В 2018 году на юбилейной московской книжной ярмарке Non/Fiction, почетным гостем которой была Италия, Розелла Посторино представляла «Дегустаторш» на совместной презентации с Гузель Яхиной — лауреатом премий «Большая книга» и «Ясная Поляна». «Меня не смущает, что „Дегустаторш“ сравнивают с „Чтецом“, — говорила Посторино, — наоборот, для меня это большая честь...»

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

РОЗЕЛЛА ПОСТОРИНО ДЕГУСТАТОРШИ

Ответственный редактор Евгения Бессонова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Маргарита Ахметова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.08.2026.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 17,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-ABA-43464-01-R